

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-55
Ш21

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Василий Половцев*
Иллюстрация на обложке — *Ирина Круглова*

Брандиш, Шарлотта.

Ш21 Мюзик-холл на Гроув-Лейн: [роман] / Шарлотта Брандиш. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (Магия викторианского детектива. XX век).

ISBN 978-5-17-161951-0

Лондон, 1935 год. Мюзик-холл на Гроув-Лейн гостеприимно распахивает двери для почтеннейшей публики. Чететка на крыльях самолета, магические иллюзии, дрессированный гусь, танцы, песни, номера с мгновенным перевоплощением — артисты, не жалея сил, дарят зрителям яркие эмоции.

Однако труппу с самого начала театрального сезона преследуют неудачи. Травмируется одна танцовщица, затем погибает другая — и Филипп Адамсон, антрепренер труппы, вынужден обратиться за помощью к сестре. Этой зимой Оливии Адамсон предстоит не только вникнуть в хитросплетения закулисных интриг, но и попробовать себя в амплуа ассистентки иллюзиониста и полицейского осведомителя, а также спасти от петли невиновного, разоблачив истинного преступника.

Но как понять, какие чувства таятся за улыбками и ярким гримом? Как распознать, кто лжет, а кто говорит правду? Третья книга серии о расследованиях близнецов Адамсон понравится любителям классических английских детективов.

До встречи в мюзик-холле на Гроув-Лейн!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-55

ISBN 978-5-17-161951-0

© ЛитРес, 2024
© Брандиш Ш., 2024
© ООО «Издательство «АСТ», 2024



МЮЗИК-ХОЛЛ НА ГРОУВ-ЛЕЙН

Многодневный морской переход из Шанхая завершился полным успехом, и 26 июля 1935 года корабль Его Величества «Саффолк», оснащенный четырьмя паровыми турбинами, бросил якорь в гавани Портсмута. Мешкать не стали, и разгрузка началась немедленно.

Вместительные сундуки, обитые стальными листами, спешно выносили из трюма и бережно, со всеми предосторожностями, ставили на палубу крейсера таким образом, чтобы они образовывали аккуратные ряды с узкими проходами. Всего сундуков было девяносто три, каждый был заперт на внушительного вида замок, и на всех без исключения можно было заметить красные ленты, испещренные иероглифами.

За разгрузкой пристально наблюдал сухопарый джентльмен в пенсне и стеганом суконном пальто, слишком теплом для этого времени года, но отлично защищавшем своего владельца от порывов сырого ветра, дующего с пролива. Когда один из матросов крейсера оступился на скользкой палубе, а затем раздался глухой звук удара железа о дерево, джентльмен поморщился и, стремительно подойдя к допустившему оплошность матросу, наклонился к нему и сделал резкое замечание. Светлые глаза за стеклышками пенсне сузились от гнева, пальцы непроизвольно сжали карандаш в кармане пальто, чуть не сломав пополам. Выпрямившись, джентльмен натянуто улыбнулся, адресуя свою улыбку представителю китайской стороны, но тот остался невозмутим, ни одна мышца не дрогнула на маленьком бесстрастном лице.



Пока сундуки выгружали из трюма, пока медленно сносили по трапу, наблюдающие сохраняли молчание. Ветер внезапно утих, затаился где-то высоко в оснастке ковраля и теперь забавлялся тем, что заставлял полотнище флага, отсюда, с палубы, казавшееся размером не более носового платка, отчаянно трепетать, словно язычок пламени, сражающийся со сквозняком. Воды гавани в свете догорающего дня отливали тусклым оловом и с вкрадчивым плеском толкались в борта судна, пока ветер не сменил направление и не нагнал серые тучи, угрожающе повисшие над головой. Джентльмен в пенсне поднял воротник пальто и мысленно похвалил себя за предусмотрительность.

Разгрузка длилась до самой ночи, и все это время портсмутская гавань была заполнена королевской охраной в штатском. Один за другим к трапу подъезжали крытые брезентом фургоны и увозили сундуки с бесценным грузом в направлении железной дороги. Все шло по установленному плану, без проволочек и досадных недоразумений, и краснеть перед иностранцами не приходилось, но джентльмен в суконном пальто, а это был не кто иной, как сэр Персиваль Дэвид, директор выставки, видный ученый и страстный коллекционер китайских марок и керамики, все равно был взвинчен до предела и по своему обыкновению ожидал всяческих неприятностей.



ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Эффи Крамбл и Имоджен
Прайс предпочитают смирению мечь,
а Марджори Кингсли и Лавиния Бекхайм
терзаются ревностью*

— Да ее убить за это мало, миссис Бенни! Вот честное слово, попадись она мне сейчас, я... Я просто не знаю, что бы я с ней сделала!

Эффи Крамбл, сублильная узкоплечая блондинка с остреньким подбородком и лицом простоватым, но выразительным и не лишенным своеобразной прелести, сжала миниатюрный кулачок и потрясла им перед собой. Другая рука девушки скрывалась в уродливом коконе из серого гипса и не слишком чистых бинтов.

— Ну, уж прямо. Не стоит так злобствовать, золотко, — осуждающе покачала головой миссис Бенни, передавая Эффи чашку, наполненную темно-рубиновым чаем, и блюдце с половинкой тоста, смазанного тончайшим слоем маргарина.

Несмотря на бушевающие ее чувства, Эффи красноречивым взглядом выразила недовольство крошечной порцией, и миссис Бенни, заметив это, в обычной своей манере категорично пресекла все возражения:

— Растолстеешь — не поместишься в коробку и пробкой вылетишь из номера. Да и костюмы перешивать придется.

Эффи вздохнула, признавая правоту утверждения, и, капитулируя, приняла блюдо с тостом. Чашку с чаем она поставила на круглый умывальный столик, который вместе с невесть как затесавшимся сюда креслом-качалкой и узкой кроватью составлял всю обстановку ее тесной комнатки в пансионе на Камберуэлл-Гроув. Даже платяной шкаф сюда не влез, заняв место в коридоре, прямо напротив двери, и по утрам, чтобы одеться, приходилось ждать, когда уляжется суета и можно будет без помех достать платье и чулки.

— Но все же, миссис Бенни, что же мне теперь делать? — Губы у Эффи задрожали от обиды. — Ведь я так этого ждала, так надеялась! Как же она могла так бессовестно со мной поступить?!

Миссис Бенни, или, как ее любовно прозвали в труппе «Лицедей Адамсона», Мамаша Бенни, наклонилась к девушке и утешительно похлопала по колену.

— Хватит слезы лить, — мягко посоветовала она, хотя Эффи еще даже не приступала к полноразмерным страданиям. — Бог ей судья, этой выскочке. Она свое еще получит, вот увидишь. Тут надо как можно быстрее связаться с этим мистером, что тебе ангажемент обещал, и без обиняков ему сказать, что так, мол, и так, произошло недоразумение и на выступлении он видел другую актрису.

— Я уже!

Тут Эффи, не вняв доброму совету старшей подруги, мгновенно залилась слезами. С ошеломляющей быстротой, больше похожей на какой-то ловкий трюк, слезинки покатались по ее подвижному личику, закапали на воротник халата из шерстяной фланели, на тонкий, почти прозрачный ломтик хлеба.

— Я уже, уже позвонила ему! Сразу же, как все узнала! И он... — Она всхлипнула, стиснула воротник здоровой рукой, судорожно вздохнула и продолжила: — И он мне

сказал, что ее уже утвердили! Им, оказывается, непременно нужна брюнетка! И еще он сказал, что других ролей для меня у них нету! Вы и не представляете, миссис Бенни, какой это был ужасный разговор! — Эффи закатила глаза к потолку. — Ну просто сущий кошмар! Со мной никто никогда не говорил в подобном тоне. Он обращался ко мне: «Голуба моя!» Представляете? Ума не приложу, что ему наговорила про меня эта...

— ...Ну-ну, золотко, не будем сквернословить. — Миссис Бенни, в прошлой жизни много лет простоявшая за стойкой паба, принадлежавшего ее мужу, ныне покойному, не терпела бранных слов в своем присутствии.

— Да я так зла, миссис Бенни, так зла, что меня всю буквально трясет. Или это от холода? — Эффи прижала ладонь к щеке и вскрикнула: — Ну конечно! Я так продрогла, что у меня руки как ледышки!

Она бросила быстрый изучающий взгляд на свою гостью, а затем решительно достала из сумочки плоскую фляжку в потертom замшевом чехле.

— Мне просто необходимо согреться, — пояснила она, подливая немного бренди в свою чашку с чаем, — а то не хватало еще слечь, как два года назад. Не желаете ли капельку, миссис Бенни? — И она протянула фляжку гостье.

Та покачала головой, отказываясь, и, сделав большой глоток чая, поинтересовалась:

— Ты, золотко, лучше мне вот что расскажи: кто тебе сообщил, что она обскакала тебя с ролью?

От возмущения слезы Эффи высохли так же стремительно, как и появились.

— Она, миссис Бенни, она же сама мне и сказала! И уж вся светилась от восторга, ярче, чем гирлянды на Трафальгар-сквер в рождественскую ночь. И смотрела на меня с этакой мерзкой ухмылочкой, точно ждала, когда я разрыдаюсь у нее прямо на глазах! Вы, миссис

Бенни, непременно подумаете обо мне дурно, да только я уже решила, что сделаю. Да, да! Я так просто этого ей не спущу! Попробуюсь после вечернего представления к ней в гримерку и вырву с корнем этот ее уродливый цветок, над которым она так трясется! Пусть он зачахнет, пусть! Это, похоже, единственное, чем она дорожит. И... и все расскажу про нее Эдди! Он, дурачок, увивается за ней и знать не знает, какая она на самом деле гадкая. И не останавливайте меня, миссис Бенни. Я знаю, что это дурно, но она не оставила мне другого выбора, вы же видите!

Эффи вынула из пузатой дерматиновой сумочки, лежавшей рядом на подушке, носовой платок и осторожно промокнула лицо, стараясь не смахнуть остатки пудры. Торопливо опустошила чашку с чаем наполовину и переставила ее на столик. Затем она бережно прикрыла поврежденную руку здоровой и, тихонько раскачиваясь, несколько минут безучастно смотрела в окно, за которым сгущались сизые сумерки. В этот час, когда весь театральный люд предавался отдыху в перерыве между дневным и вечерним выступлениями, в пансионе миссис Сиверли было на редкость спокойно, и тишину комнаты нарушал только уютный скрип кресла-качалки да едва различимый бодрый говорок радио, доносившийся из комнат хозяйки.

— А ведь это, миссис Бенни, был мой последний шанс, — вздохнула Эффи, и тон ее был лишен всякого налета театральной драматичности, которым частенько грешат актрисы.

— Ну, уж и последний. — Мамаша Бенни выпрямилась в кресле и с преувеличенной горячностью принялась убеждать Эффи, что все у нее впереди, и сценическая карьера дело такое — сегодня пусто, а завтра густо, и что в Театре Флоссомы не раз еще о ней вспомнят, и что

подлинный талант всегда найдет свою дорогу к зрителю, и множество подобной этому жизнеутверждающей чепухи, в которую обе женщины на самом деле не верили, но одна считала своим долгом все это говорить, а другая слушать.

Когда Мамаша Бенни — чуть более пышная, чем следовало, и чуть более смуглая, чем можно было ожидать от уроженки графства Монмут, — закончила свою полную оптимизма речь, Эффи порывисто сжала ее теплую ладонь.

— Миссис Бенни, погадайте мне! — попросила она.

Та, не отнекиваясь, поставила свою чашку на столик, с готовностью вынула колоду из кармана и, придвинувшись вплотную к кровати, принялась раскладывать карты. Первым на пестром лоскутном покрывале появился юноша в колпаке с колокольчиками и с котомкой за спиной. Справа от него легла карта, изображавшая руку, сжимающую посох, слева — карта с тремя танцующими девами, поднимающими золотые кубки. Нахмурившись, гадалка добавила в расклад еще одну. Сверху, над улыбчивым юношей, она выложила карту, изображавшую лежащее на земле тело, пронзенное девятью мечами. Губы гадалки сжались в тонкую линию, и она неодобрительно покачала головой.

— Что там, миссис Бенни? — Эффи не скрывала тревоги. — Что-нибудь нехорошее?

Миссис Бенни быстрым движением руки перемешала карты и вернула их в колоду.

— Чепуха какая-то получилась. Что-то я сегодня не в форме, ты уж, золотко, прости.

Раздался дробный стук, дверь распахнулась, и на пороге, освещенная тусклым светом коридорных ламп, появилась миниатюрная девушка, державшая в руках целую охапку нарядных платьев.

— Та-дам! — Она приложила одно из них к себе, крутанулась на месте и ликующе заявила: — Эффи, милочка, ты только посмотри, какой сюрприз нам приготовил мистер Пропп! Уверена, ты будешь в восторге!

Не услышав радостных восклицаний в ответ, Имоджен Прайс внимательно оглядела расстроенные лица коллег по театральной труппе. Ее улыбка погасла, она решительно прошла в комнату и бросила сценические костюмы на кровать, не заботясь о том, что они могут помяться.

— Ну, рассказывайте, что эта гадкая особа еще натворила?



В гримерку, освещенную лишь парой светильников с плафонами из зеленоватого помутневшего стекла, вошел высокий представительный джентльмен во фраке, цилиндре и белоснежных перчатках. Он прикрыл за собой дверь, аккуратно и неторопливо снял перчатки и уложил их в стоявшую на гримерном столике коробку, в которой находились несколько запасных пар, обернутых замшевой бумагой. Джентльмен закинул руки за спину, повозился неловко, расстегивая пуговицы, которые почему-то находились не на подходящем им месте, и, не без труда сняв фрак, повесил его на безголовый манекен, бережно расправив фалды и щелчком сбив с плеча невидимую соринку.

Под фраком обнаружили белоснежный жилет и батистовая рубашка несколько меньшего размера, чем это принято у джентльменов, предпочитающих выглядеть по-старомодному изысканно, и черные прямые брюки, которые по-хорошему давно было пора расставить в поясе. Джентльмен отцепил пышную манишку, перепачканную гримом, и бросил ее в корзину, затем снял цилиндр, и когда удерживаемые головным убором золотисто-каштановые

волосы рассыпались по его плечам, преобразование завершилось.

Напротив зеркала, привычно избегая смотреть на свое отражение, стояла молодая девушка, излишне широкоплечая, с крупными руками и резкими чертами лица, впрочем, не лишенными некоторой привлекательности. Девушка не была красива и прекрасно знала об этом, давно смирившись со своим внешним обликом. Природа отказала ей даже в той миловидности, что зачастую свойственна юности, но вот глаза актрисы — широко распахнутые, темно-серые, как лондонское небо в ноябре, опущенные такими густыми и длинными ресницами, что те казались данью ухищрениям опытного гримера, были по-настоящему хороши. Глаза и, пожалуй, волосы — пышные, сияющие приглушенным мягким блеском в свете настенных ламп.

Кто-то пробежал по коридору, послышались веселые восклицания. Девушка встряхнулась, быстро скинула последние детали сценического костюма, оставшись лишь в одной шелковой сорочке со следами аккуратной штопки, и принялась торопливо снимать грим. Стерев остатки кольдкрема, припудрила лицо и распахнула шкаф, где висело несколько платьев. Поколебавшись, выбрала самое нарядное — лиловое, скрадывавшее ее крупную, лишенную волнующих изгибов фигуру, — и торопливо натянула его. Ловко застегнула мелкие пуговицы на груди, причесалась, старательно взбивая над широким выпуклым лбом примятую цилиндром челку.

Из сундучка, задвинутого в самый уголок шкафа, девушка вынула роскошную коробку шоколадных конфет, крест-накрест перевязанную золотистой муаровой лентой. Немного постояла с коробкой в руках, с задумчивой нежностью проводя пальцами по гладкому картону, а потом одернула воротничок платья и отправилась на поиски того, кому предназначался сладкий дар.

В коридоре было пусто, и девушка, никем не замеченная, тайком поднялась по неприметной лестнице на следующий этаж, где располагались гримерные актеров.

Напротив зеленой двери с плоским жестяным номерком она остановилась, старательно выравнивая учатившееся от волнения дыхание, быстрым движением поправила волосы и деликатно постучала.

Дверь открыл молодой человек весьма приятной наружности. Его светлые волнистые волосы обрамляли мужественное лицо с выпуклым подбородком; широко посаженные, чуть навывкате, ярко-голубые глаза взирали на мир с детским простодушием и с великолепной, внушающей зависть уверенностью в себе, которая больше свойственна представителям высшего класса, а не актеру странствующей труппы. Сейчас, когда до его выхода на сцену оставалось не более четверти часа, он был одет в безупречно сидевшие белоснежные брюки и короткий светлый пиджак, и этот сценический костюм лишь подчеркивал его изящную, но вместе с тем атлетичную фигуру.

— О, Эдди, я всего лишь на минуточку! Не хочу тебя отвлекать перед выступлением...

— Лучше войди, Марджори. — Он неохотно отошел в сторону, освобождая проход, и хотя голос его был преувеличенно бодрым, радости в нем не слышалось.

Девушка на секунду замерла, не отводя взгляда от лица молодого человека, а после неловким движением вытянула из-за спины руку и, шагнув вперед, протянула молодому человеку коробку с конфетами. Марджори улыбалась, но на душе скребли кошки, и шею обдавало жаром, как если бы она чересчур близко подошла к пылающему камину.

Эдди сделал шаг назад, потом еще один. На его лицо набежала тень, и видеть это Марджори было невыносимо.

— Я просто подумала, мне одной она ни к чему, а мы могли бы как-нибудь вместе выпить чаю и поболтать, — заговорила она торопливо и весело, стараясь быть естественной и не выдать, как больно ее ранит его холодность.

— Тебе не следовало... — с усталой досадой произнес Эдди, проводя ладонью по волосам, отчего на гладкий лоб упала волнистая прядь.

Такими волнистыми бывают волосы после морской воды, после того, как солнце высушит их, сделав жесткими от соли, а ветер наполнит ароматом водорослей и неуловимого счастья. Взгляд Марджори остановился на руке Эдди Пирса — на широкой ладони с длинными пальцами и перламутровыми, как изнанка морской ракушки, чистыми округлыми ногтями.

— Марджори, я ведь тебя уже просил об этом. Незачем ставить и себя, и меня в глупое положение. — В тоне его появилась жесткость, будто слова тоже побывали в морской воде и высохли на ветру, как льняные салфетки, измятые после пикника.

Эдди так и стоял в отдалении от девушки, не принимая подарок из протянутых к нему рук, и ей не оставалось ничего иного, как положить коробку на гримерный столик. После этого говорить больше было не о чем, и надо было уходить, но она не удержалась.

— Это все из-за нее, да? Из-за Люсиль? Из-за нее ты больше не хочешь быть мне другом?

— Что за глупости, Марджори. Мы по-прежнему друзья с тобой. Просто я не хочу, чтобы ты выдумывала себе всякую чепуху. — Он наконец высказал то, что давно собирался, и это освободило его и сделало жестоким. — Пойми, я о тебе же забочусь и потому не хочу, чтобы ты выставила себя на посмешище.

В дверь постучали. Джонни Кертис, второй участник танцевального дуэта, заглянул в гримерку напарника и,

никак не показывая того, что заметил в ней Марджори Кингсли, флегматично предупредил:

— Арчи с Лавинией уже закончили. Нас объявят через пять минут.

Облегчение, появившееся на лице Эдди, сказало Марджори больше, чем все недавние слова, и она быстро убежала из гримерной, стараясь сжаться в своем крупном теле и никого не задеть.

Пирс отвергал ее уже не первый раз. На прошлой неделе, после дневного представления, она специально попала ему на пути — предложила вместе пройтись, выпить по чашке чая в закуской, поболтать о том о сем. Она была так же весела и беспечна, как те девушки, что стайками порхали по оживленной Денмарк-хилл, задорно стуча каблучками, и на ней была надета новая шляпка, которая очень ей шла и стоила в два раза больше, чем она могла себе позволить.

Но чуда не случилось. Эдди отклонил приглашение и разговаривал с девушкой сухо и бесстрастно, хуже, чем со случайной знакомой. Пока они говорили, его ротанговая тросточка выбивала по асфальту нетерпеливое стаккато, а глаза смотрели куда угодно, но только не на Марджори.

Она тогда убежала в первый попавшийся кинозал, в его спасительную темноту, и сидела там до самого окончания ленты, бездумно наблюдая, как зеленоглазая красотка с капризным гуттаперчевым личиком льет глицериновые слезы, и на какое-то время Марджори стало легче. Но после того, как титры побежали по экрану и немногочисленные зрители принялись выбиратья со своих мест, преодолевая препятствия в виде кресел так, словно шли по колено в воде, воспоминания о недавнем позоре вновь заставили девушку корчиться от жгучего стыда.

Вот и сейчас она шла по коридору, ничего не видя от выступивших слез, и в очередной раз давала себе зарок

навсегда забыть, выжечь из памяти тот летний день на побережье, когда лазурная морская гладь и опрокинутая синь небес внушили ей надежду на счастье.



Просторная, с той же высотой потолка, что и в вестибюле, и с такими же великолепными висячими люстрами, льющими яркий свет, многократно умножаемый зеркалами, костюмерная в театре «Эксельсиор» была царством Гумберта Проппа, где он безраздельно властвовал над платьями, фраками, смокингами, костюмами и шляпками. Вся эта деликатнейшая роскошь хоть и являлась формально собственностью антрепренера, на самом деле принадлежала Проппу и подчинялась лишь его умелым рукам.

Подобно главнокомандующему, каждое утро он проводил смотр своего шуршащего, пенящегося кружевами и сияющего шелковыми лацканами войска, расположенного на бесчисленных манекенах, стоявших вдоль стен, обитых плюшем. Ни одна мелкая пуговка, повисшая на нитке, или же кусочек оторвавшейся тесьмы не смели нарушить безупречное великолепие сценических костюмов, а если это и случалось по небрежности актера или актрисы, две ловкие приходящие горничные, без усталости утюжа, отпаривая и подшивая детали туалетов, нуждающихся в починке, возвращали нарядам тот лоск, которого они заслуживали. И только в самом углу, подальше от любопытных глаз, на передвижной конструкции с колесиками располагались костюмы, работу над которыми Гумберт Пропп никогда не доверял чужим рукам.

Вечернее представление завершилось, но, несмотря на поздний час, Пропп, бережно подпернув брючины на тощих ногах, стоял на коленях перед манекеном, облаченным в пышное платье из нежно-розовой, леденцового оттенка тафты.

Вооружившись подушечкой с иглками, хмуря высокий лоб с глубокими залысинами и вполголоса мурлыкая себе под нос бравурную песенку, Гумберт Пропп так и этак закалывал материю, всякий раз оставаясь недовольным результатом.

От работы костюмера отвлекли торопливый перестук каблучков и звонкий голос, выпевающий заключительный куплет моряцкой песенки, которой всякий раз оканчивалось субботнее выступление:

И в штиль, и в самый ужасный шторм
 Я лишь одного хочу:
 Увидеть тебя еще разок, милая,
 А об остальном промолчу!

Мисс Имоджен Прайс танцующей походкой пересекла костюмерную и, выдвинув на середину комнаты плетеное кресло, демонстративно упала в него, откинувшись на спинку и вытянув перед собой стройные ноги в узких коротких брючках, составляющих вместе с тельняшкой в талию и фуражкой с низким козырьком премилый ансамбль, наводящий на мысли о безмятежных морских прогулках. Фуражку она тотчас сняла и небрежно бросила на стол для раскрытия тканей, отчего стала еще больше похожа на расшавившегося юнгу, украдкой хлебнувшего рома.

Пригладив медового цвета локоны, мисс Прайс взглянула в зеркало и капризно пожаловалась манекену в смокинге, шутливо подергав его за рукав:

— Терпеть не могу эту фуражку, слышите? Всякий раз, когда ее снимаю, я похожа на страшилище. И следы на лбу остаются. Гумби, вы должны, вы просто обязаны с ней что-то сделать! Этот околыш слишком узкий для моей огромной головы. Не понимаю, зачем вообще нужна эта штука, ведь даже распоследнему болвану в зале ясно, что мы с этой гадкой Люсиль Бирнбаум — девушки.